

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. *ЛИТЕРА А*
тел. +7 (812) 5715092, факс +7 (812) 5716271, Эл. почта: admin@archeo.ru

УТВЕРЖДАЮ
зам. директора ИИМК РАН

к.и.н. О.И. Богуславский

28. 10. 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГБУН Института истории материальной культуры РАН
о диссертации Нины Андреевны Павловой
«Текстильные изделия в погребениях Поволжских финнов II тысячелетия н.э.»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 - археология

В коллекциях археологического материала остатки древних тканей являются редкими находками, а их изучение носит достаточно специфический характер. Ткань, как органический материал обычно не сохраняется ни в погребениях, ни в культурном слое поселений. Например, нам трудно достоверно реконструировать древнерусский костюм, по материалам тысячи раскопанных курганов, потому что в погребениях встречаются лишь отдельные металлические предметы, скрепляющие или скалывавшие одежду, сами же тканые части одежды, как правило, истлели. Не случайно изучение археологических тканей получило особое развитие в странах Северной Европы и Прибалтике, где захоронения скандинавов, финнов и балтов, в отличие от славян, сопровождалось достаточно большим набором различных бронзовых украшений, а часто и сами ткани были

декорированы металлическими узорами и аппликациями. Окислы бронзы сыграли роль консерванта органических остатков и перед исследователями предстал целый пласт интереснейшего материала, дающего возможность реконструировать как технические приемы и особенности древнего ткачества, так и облик одежды. Эталонными исследованиями в этом плане признаны работы А. Зарини по материалам латгальских и ливских могильников. Кроме того, ткани хорошо сохраняются во влажных слоях городов. Хорошим примером является труд польского исследователя А. Нахлик, который впервые рассмотрел коллекцию новгородских тканей из мокрого культурного слоя средневекового города, а в настоящее время эти исследования продолжены М.М. Савенковой. В то же время богатейший материал, полученный при раскопках погребальных памятников поволжских финнов II тыс. н.э. не получил должного освещения в литературе. Долгое время единственной работой по тканям финно-угорского населения Поволжья была статья Л. В. Ефимовой. Сравнительно недавно были опубликованы материалы Никитинского могильника, расположенного в рязано-окском междуречье.

Диссертация Н.А. Павловой «Текстильные изделия в погребениях поволжских финнов II тысячелетия н.э.» восполняет этот пробел в отечественной науке, в этом ее новизна и актуальность. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и четырех приложений (словаря текстильных терминов, таблицы с полной характеристикой погребения и указания места откуда были получены образцы тканей, каталога текстильных фрагментов с их всесторонним описанием и альбома иллюстраций).

Во введении довольно подробно рассматриваются вопросы историографии не только касающиеся истории исследования археологического текстиля поволжских финнов, но и в целом оцениваются исследования, связанные с ткацким производством в широких хронологических и территориальных рамках. Кроме того, в этом разделе намечены основные вехи исследований и дается самый общий обзор работам, посвященным финно-угорской археологии в целом, начиная от работы И. Аспелина 1878 г. до современности.

В работе четко определены территориальные границы – Верхнее и Среднее Поволжье. Этот регион исторически был заселен мордвой (эрзя и мокша), а также горными и луговыми марийцами. Хронологические рамки диссертации достаточно широкие от середины I и до конца II тыс. н.э. Фактически труд основан на симбиозе данных археологии и этнографии, что является единственным правильным решением при реконструкции одежды и ткацкого производства, и также привлекаются данные письменных источников.

Источниковой базой является 900 образцов тканей, полученных при исследовании 46 могильников, датирующихся концом I – концом II тыс. н.э. и хранящихся в семи музеях, включая Национальный музей Финляндии.

Диссертация построена по поступательному принципу, начиная от изучения сырья и его первичной обработки до анализа готовых изделий. Соответственно первая глава посвящена характеристике и способам обработки и окраски сырья. В ней рассматривается сырье как растительного (из льна, конопли, крапивы и хлопка), так и животного происхождения (шерсть различных животных). Кроме того, автор выделяет особую группу импортных шёлковых волокон, которые попадали на территорию поволжских финнов по волжскому торговому пути. Здесь же подробно характеризуются красители как природного органического, так и минерального происхождения. В целом данная глава носит описательный и констатирующий характер в основном на основе этнографических материалов, поскольку даже при применении современных естественнонаучных методов сложно ответить на вопрос, какие именно растительные волокна или шерсть каких животных использовались при изготовлении тех или иных тканей, и тем более определить краситель. Как пишет сам диссертант, «существует ряд физико-химических методов, позволяющих довольно точно определить первоначальный цвет археологических тканей и выявить исходный краситель. Однако данные методы требуют специальной подготовки и сложного оборудования, поэтому физико-химический анализ красителей остается за рамками данного исследования» (с. 84, 85). Можно согласиться, что данные вопросы выходят за рамки археологического и исторического исследования, но тогда стоило ли акцентировать на них такое внимание.

Вторая глава диссертации посвящена реконструкции процесса создания разных видов тканей. На материалах исследованных могильников выделяется группа текстильных изделий, сделанных путем валяния. В принципе, это древнейший способ получения толстого и прочного не тканого материала, распространённый прежде всего у разных степных народов. Судя по материалам погребальных памятников поволжских финнов, войлок в основном фиксируется в захоронениях рубежа I – II тыс. н.э. и его появление Н.А. Павлова связывает с проникновением на территорию Поволжья элементов культуры тюркоязычных кочевников из Средней Азии и Южной Сибири (с. 90). В последующем, уже в новое время (XVII-XIX вв.) войлочные изделия повсеместно входят в обиход народов Среднего Поволжья.

Далее в главе подробно рассматривается система прядения, и соответственно типы полученных нитей, имеющие свои особенности в зависимости от характера сырья (растительное волокно, шерсть и шелк). Особое место уделяется изделиям с

использованием золотных нитей, которые импортировались в разное время из Западной Европы, Персии, Турции и Китая. У поволжских финнов украшение костюма металлическими деталями, в том числе и золотными нитями, появилась в эпоху средневековья и особенно была характерна для Горномарийского района. Автор предполагает, что местным населением закупалась уже готовая тесьма в крупных торговых центрах. В могильниках луговых марийцев и мордвы-терюхан вместо золотных нитей в орнаментальных полосках использовали нити из медного сплава. Н.А. Павлова делает любопытное заключение, что дорогостоящие золотные нити не завозили в отдаленные от Волги районы из-за угрозы грабежа, факты которого широко зафиксированы в Поволжье в XVII в. (с. 111).

В целом, рассмотрев систему прядения в работе делается вывод, что она вполне сформировалась у поволжских финнов к первой половине II тыс. н.э. и своими корнями уходит в I тыс. н.э., причем без особых изменений техника прядения дожила до XVII – XVIII вв. В отличие от соседнего русского населения для изготовления нитей второго порядка крутки S местное население использовало способ прядения с пряслищем вверху (с.111).

В следующей части второй главы на основе изученных фрагментов тканей подробно рассматривается техника ткачества на ткацком станке и типы переплетения нитей. Среди тканей поволжских финнов выделяются ткани из растительного волокна полотняного плетения, шерстяные полотняного и саржевого плетения, шелковые полотняного и усложненного плетения. Основную часть коллекции составляют шерстяные ткани, которые консервируются и сохраняются лучше в погребениях, поэтому их рассмотрению уделено особое внимание. Кроме тканей, изготовленных на ткацком станке в главе рассматриваются тканые изделия, сделанные при помощи других приспособлений – дощечек, бердо, сволочка, а также способом вязания. В работе отмечается, что ленты, сплетённые на дощечках в погребениях рубежа I – II тыс. н.э. единичны, а в материалах первой половины II тыс. н.э. вообще отсутствуют (с. 134). Широкое распространение они приобретают только в XVII – XVIII вв. Мне кажется, это связано с сохранностью материала, так как данный способ был настолько широко распространён, по крайней мере с эпохи раннего железного века, среди разных европейских народов, в том числе скандинавов, западных финнов, балтов и славян, что вряд ли поволжские финны в данном случае были исключением.

Третья глава работы посвящена рассмотрению конечного результата ткачества, а именно одежде поволжских финнов. Однако в силу объективных обстоятельств, так как в погребениях найдены лишь фрагменты погребального костюма, её покрой

реконструировать не удаётся. Из деталей одежды наиболее достоверно восстанавливаются головные уборы и обмотки ног. Поэтому данная глава в значительной степени построена на привлечении этнографических сведений. На материале, полученных при раскопках захоронений, исследовательнице удалось выделить шейные текстильные украшения – отстежные ожерелья-воротники, которые не имеют аналогов в этнографии, по следам отпечатков грубой ткани на металлических предметах выявить наличие саванов. Впервые специально были рассмотрены элементы текстильного декора – вышивка и аппликация. Узоры в древности являлись важными этноопределяющими элементами древнего костюма. В свое время Н.И. Гаген –Торн отмечала, что украшения одежды у древних народов, прежде всего, рассматривались ими «как знаки, помогающие определить положение человека и его принадлежность к определенной родовой группе»¹. В данном случае, видимо в связи с фрагментарностью материала автору диссертации не удалось выделить этноопределяющие мотивы для отдельных этнических групп населения, хотя, несомненно, в памятниках начала II тыс. н.э. они имелись.

В целом работа в основном направлена на технологическую характеристику тканей из Поволжских могильников, жаль, что за рамками работы остались предметы погребального инвентаря, связанные с одеждой, они, несомненно, содержат важную информацию об изменении наряда различных народов во времени и межэтнических особенностях. Одежда является важным источником развития человеческого коллектива, его навыков, традиций и обрядов.

Рассматриваемый в диссертации материал охватывает достаточно большой хронологический период, практически тысячелетие. Автор диссертации считает, что невозможно выстроить «хронологическую шкалу эволюционирования навыков текстильного производства из-за крайней консервативности» данного ремесла, тем не менее, нам кажется, что работу следовало бы построить по определенным хронологическим периодам, тем более что фрагменты тканей брались из конкретно датированных погребений. Несмотря на то, что данное ремесло долгое время сохраняет архаические черты и приемы в Поволжье, и даже при переходе к горизонтальному ткацкому станку еще использовался вертикальный, все же как любое производство ткачество развивалось от домашнего дела к промышленному. И невольно в работе отмечены некоторые хронологические различия. Так, например, только в VIII-XI вв. встречаются так называемые «ажурные» ткани, сделанные из шерстяных и растительных волокон, морфологически отличаются ранние ткани саржевого плетения и аналогичные по плетению ткани XVII-XVIII вв., не говоря уже о тканях, сделанных в промышленных

¹ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 3, 4.

мануфактурах или фабриках. Это касается и импортных тканей, прежде всего, шелка. автор диссертации сама отмечает, что шелковые ткани VIII-XI вв. Крюковско-Кужновского и Лядинского могильников «различаются по технологическим характеристикам (переплетению и пр.) и региону импорта» (с. 129), и несомненно. импортные ткани рубежа I – II тыс. н.э. отличались от тканей конца II тыс. н.э. определенными технологическими параметрами, связанными с усовершенствованием техники и разными источниками поступления. Одним словом, основным замечанием является то, что материал рассмотрен суммарно и не расчленен на хронологические периоды.

Высказанные замечания и пожелания не в коем случае не умоляют заслуги диссертанта, которая скрупулёзно проработала достаточно представительную коллекцию тканей из могильников Верхнего и Среднего Поволжья и впервые вводит её в научный работ.

Основные положения и выводы диссертации Н.А. Павловой нашли отражение в её статьях, в том числе в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Текст автореферата соответствует тексту диссертации.

Характер и объем проделанной работы, использованные в ней методы и результаты, полностью отвечают требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор Нина Андреевна Павлова заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Отзыв составила ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН:Наталия Вадимовна Хвоцинская.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН протокол № 15 от 22 октября 2015 г.

Заведующий
Отделом славяно-финской археологии
д.и.н.

Анатолий Николаевич
Кирпичников

Список основных публикаций сотрудников ведущей организации по теме
диссертации.

- 1). А.В. Курбатов. Кожаные изделия в Турку XIV-XVвв. // Археологические вести № 16. СПб., 2010. С. 212-223.
- 2). А.В. Курбатов. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 447-452.
- 3). А.В. Курбатов. Кожаные изделия Мангазеи как источник реконструкции источник реконструкции культуры и ремесла русского заполярного города // Записки ИИМК РАН № 5. СПб., 2010. С. 211 – 230.
- 4). К.А. Михайлов. Детские погребения в некрополе первых древнерусских городов // Археологические вести № 16. СПб., 2010. С.151-159.
- 5). К.А. Михайлов. Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 262 – 279.
- 6). Н.В. Хвоцинская. Уникальная находка деталей водского костюма XVII в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 96-100.
- 7). В.Е. Куликов, Е.Ю. Медникова, Ю.И. Елихина, С.С. Миняев. Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации // Археологические вести № 17. СПб., 2011. С. 119- 121.
- 8). А.В. Курбатов. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан // Археологические вести № 17. СПб., 2011. С. 203-215.
- 9). O. Bogouslavski, N. Khvoschinskaïa. Au pays de Novgorod: rencontre entre les Slaves, les Finnois et les Scandinaves // Russie Viking, une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIII-XV s.). Caen, 2011. P. 79 -83.
- 10). А.В. Курбатов. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести № 18. СПб., 2012. С.162-173.
- 11). Е.Н. Носов, М.В. Медведева, Н.В. Хвоцинская. Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012.
- 12). А.В. Курбатов. Кожаные предметы из Новогрудка (по материалам раскопок 1985 г.) // Записки ИИМК РАН № 8. СПб., 2013. С.168 – 175.
- 13). Н.В. Хвоцинская. Финское население на Северо-Западе Новгородской земли // Археология Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Вильнюс, 2013. С. 17-33.

14). А.В. Курбатов, С.В. Бельский. Изделия из кожи в погребениях грунтового могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье // Записки ИИМК РАН № 9. СПб., 2014. С.161 – 168.

15). E. Rybina, N. Khvoshchiskaya. Scandinavian Objects from the Excavations of Novgorod // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen, 2014. P. 245 -256.